

К 90-летию В. Маяковского

АТАКУЮЩЕЕ СЛОВО ПОЭТА

Роберт
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

УТВЕРЖДЕНИЕ, что поэт Владимир Маяковский продолжает жить и сегодня, — вовсе не образ и никакая не гиперболо. Это истина.

И доказательством ее служат даже не собрания сочинений поэта и многочисленные книги, выходящие на всех языках мира, и даже не то, что каждый год в разных странах проходят премьеры его пьес. Главным доказательством реальной и очень активной жизни Маяковского является тот факт, что к нему, как к живому, относятся и друзья, и враги.

Его любят, как живого. Любят горячо, увлеченно, запальчиво, а бы даже сказал — фанатично. Любят от первой и до последней строки. Любят с молодым задором, не слушая и не принимая никаких возражений!

Его ненавидят, как живого. Ненавидят яростно, истосно, злопамятно, будто самого кровного врага. И тоже — всего целиком. От первой и до последней строки.

С ним даже спорят, как с живым. Спорят, как правило, суетливо, истерично и при этом почему-то всегда очень торопятся. Словно опасаясь, что он не даст договорить и в любую секунду перебьет оппонента едкой репликой...

Владимир Маяковский, заостренно характеризую суть и направление своей поэзии, сказал: «Если встанет из гроба прошлое — белые и реставрация, мой стих должны найти и уничтожить за полную для белых вредность...»

Этими словами он абсолютно точно определил отношение «белых» к себе. Определил на много десятилетий вперед.

Как же эти сегодняшние «белые» ненавидят Маяковского! Как же они его проклинают! Сколько дипломов, сколько ученых степеней было защищено в американских и западноевропейских университетах на одной только анафеме Маяковскому! Сколько раз его «низвергали», «развенчивали», даже «уничтожали», доказывая, что он «примитивен», «вульгарен» и т. д. и т. п.

Казалось бы, зачем так стараться? Ну подумаешь, жил поэт, писал стихи, которые не

нравятся господам советологам, — ну и что?!

А все дело в том, что они спорят с живым Маяковским! С тем, который не умер и умирает не собирается. И который все время отвечает им! Отвечает!

Причем отвечает на каждую клеветническую статью и книгу, отвечает, не оставляя камня на камне от лживых аргументов и смеясь над бессильной злобой своих врагов!..

Что же в Маяковском особенно не нравится зарубежным «ниспровергателям»?

Прежде всего то, что он гениальный русский, советский поэт. И что принадлежит он не прошлому, а является сегодняшней, действующей силой нашего советского строя, нашего образа жизни, нашей культуры.

Всю жизнь он говорил и поступал крупно. Ему изначально был свойствен максимализм мыслей, страстей и чувств.

Когда перечитываешь его стихи, то в них при всем многообразии ритмических построений, образов, символов, сюжетов, интонаций и т. д. наиболее отчетливо видны две глобальные, обжигающие темы. Одна из них называется: «Ненавижу!».

Другая — «Люблю!».

Это — как два полюса, между которыми вся планета жизни, все оттенки человеческой души, все краски сложной, глубинной поэзии.

С «Ненавижу!» он пришел в тогдашний мир, протестуя против фальшивых идеалов, продажной любви, кровавых и бессмысленных войн.

С «Люблю!» встретил Революцию. «Моя!» — сказал про нее. От революции Маяковский вообще неотривен, ибо все раннее творчество поэта было ее предвкусием и приближением... Он сказал: «Поэзия начинается там, где есть тенденция. Потом добавил: «К сделанному литературному произведению относиться, как к оружию...» И делал все, чтобы его собственные произведения, его личное

оружие всегда служило классу, атакующему старый мир. Активность гражданской позиции была и остается высочайшим свойством его таланта.

В жизни амплитуда чувств и страстей человеческих невероятно широка. Но ни при каких обстоятельствах нельзя заниматься творчеством «просто так», «от нечего делать»!

Ведь сочинение стихов «ни о чем» так же, как и позиция стороннего наблюдателя, — это тоже тенденция.

Именно против нее Маяковский сражался всю свою жизнь!..

Сегодня он мешает и тем, кто пытается размыть, размозжить по поверхности гладеньких фраз само понятие гражданственности.

Говорят, что, мол, нынче гражданственность стала привычной, естественной для любого поэта. Она, мол, в общем-то должна подразумеваться, поскольку все пишущие являются в некотором роде гражданами и граждankами.

И еще говорят, что слишком активная гражданственность вроде бы уже и не так необходима. Потому что жизнь идет, люди спешат, дети подрастают, все очень быстро меняется, в том числе и время.

Да, время действительно изменилось.

Но поэзия не перестала быть оружием, и такие понятия, как Советский Союз, коммунизм, партийность, интернационализм, не перестали быть для нас главными.

И тем, кто в этом сомневается, Маяковский очень мешает.

...Сейчас он высится в центре Москвы. Стоит на площади своего имени. Поэт, который однажды навсегда сказал:

Делами,
кровью,
строкою вот этою,
нигде
не бывшему в найме, —
я славлю,
взвизгив красной ракетой,
Октябрьское,
руганое
и пропетое,
пробитое пулями знамя!
И в строках этих — суть
бессмертия Маяковского.

«КАК ГАЗЕТА?»

Кому не известны эти строки поэта:

Люблю Кузнецкий
(простите грешного!),
Потом Петровку,
потом Столешников;
По ним
в году
раз сто или двести я
Хожу из «Известий»
и в «Известия».

Маяковский действительно считал необходимой обязанностью поэта работать в газете и для газеты. Он писал в «Известиях» в 1922 году: «Было много противоречивых определений поэзии. Мы выдвигаем единственное правильное и новое, это «поэзия — путь к социализму». Сейчас этот путь идет между газетными полями». Сам поэт с гордостью носил удостоверение со-

трудника «Известий». Именно здесь были опубликованы знаменитые его стихотворения «Прозаседавшиеся», высоко оцененные В. И. Лениным, «Товарищу Нетте — пароходу и человеку» и многие другие. Всего он выступил в «Известиях» 62 раза. Все эти публикации — и статьи, и очерки, и стихи, и корреспонденции — живой публицистический и гражданский отклик поэта на события текущей жизни. Даже просто так заглядывая в редакцию, он начинал разговор с вопроса: «Как газета? Что сегодня идет?» И в этом проявлялась одна из главных черт его активной, кипучей натуры.

С. ВАСИЛЬЕВ.

НА СНИМКЕ: Владимир Маяковский в редакции «Известий». Из фотоархива газеты.

РОДНОЙ СРЕДИ РОДНЫХ

Нодар ДУМБАДЗЕ,
лауреат Ленинской премии

Маяковского всегда вижу только живым, только живущим, своим современником. Его присутствие среди нас столь для меня несомненно, что иногда, если придется процитировать с трибуны его громовую строку (а удержаться от этого трудно), вдруг ловишь себя на молниеносном ощущении: автор — здесь, в зале!

Он — в зале или в толпе на проспекте Руставели, в окружении сегодняшних лиц. Он — в сегодняшних событиях. Или, быть может, он на берегу Ханис-Цкали, речки его детства, той самой, которая потом — так случилось — стала и моей.

Мы учились плавать в одной реке — так мог бы я сказать, имея в виду факты не только географии...

Отец работал секретарем райкома партии в Багдади, и там, на Ханис-Цкали, остались самые, пожалуй, счастливые берега моего мальчишества. Забывая себя, я пропадал во дворе заветного дома багдадского лесничего — в ту пору я уже был болен Маяковским и навсегда остался благодарен за эту высокую болезнью своей матери. Все началось с нее... «Р-разворачивайтесь в мар-рше!..» — читала мне мама, стараясь воссоздать повелительную силу живых интонаций поэта, и я не сомневался,

что зал, слушавший его, был действительно, как рассказывала она, готов встать и шагнуть сомкнутой колонной в грядущее. Мать учила даже несколько стихотворений по-русски. Разумеется, «под Маяковского». Ученичество это вспоминаю, конечно, с улыбкой. Маяковский продолжает не в подражателях, не в «лесенках» стихов, не в гражданском «лексиконе», он — в крови нашей поэзии, в сердечном пульсе многонациональной советской литературы и продолжается на всех ее языках — родной среди родных!

...В юности, не в силах противиться любви или же чтоб ближе быть к своему кумиру, написал я даже несколько стихотворений по-русски. Разумеется, «под Маяковского». Ученичество это вспоминаю, конечно, с улыбкой. Маяковский продолжает не в подражателях, не в «лесенках» стихов, не в гражданском «лексиконе», он — в крови нашей поэзии, в сердечном пульсе многонациональной советской литературы и продолжается на всех ее языках — родной среди родных!

ВЕРШИНА

Мирсайд МИРШАКАР,
народный поэт
Таджикистана

На всю жизнь запомнил я день 25 августа 1929 года... В Москве на стадионе «Динамо» в разгаре был большой праздник, посвященный торжественному закрытию первого Всесоюзного слета пионеров. В такой необычной обстановке мне и посчастливилось увидеть и услышать В. Маяковского. Нам, участникам слета, он читал свое стихотворение «Песня-молния». Дети и взрослые, затаив дыхание, слушали великого поэта. А он своим ярким стихотворным словом говорил о дружбе и братстве народов, любви к Родине, призывал пионеров: «Вперед, отряды сжатые, по ленинской тропе».

С того памятного дня минуло почти пятьдесят четыре года... А я, как сейчас, ясно вижу могучую фигуру Владимира Владимировича, чуть наклоненную вперед, как бы устремленную в будущее. И всякий раз, когда я сажусь за письменный стол, будто слышу его зычный и нежный голос — голос агитатора-поэта, чувствую себя его учеником.

Народ не случайно одну из величайших вершин моей родины — Советского Памира — назвал именем Маяковского. К нему совершают восхождения альпинисты, а к вершинам новаторского творчества, по пути и примеру Маяковского, поднимаются новые поколения советских писателей.

ЗАЖИГАЮЩИЙ ЗВЕЗДЫ...

Александр ЛАЗАРЕВ,
народный артист РСФСР

— Мы очень рады, что именно в нашем московском театре, носящем имя поэта, к 90-летию со дня рождения Маяковского выводит спектакль о нем — «Высокий» (пьеса М. Розовского). Это — своеобразный рассказ о приходе художника в революцию. Постепенно, шаг за шагом раскрывается на сцене непросто, порой мучительный труд души поэта, его восхождение к гражданской зрелости.

«Я еще не заакадемичился», — однажды скажет Маяковский в ответ на упрек, что его автобиография якобы не очень серьезна. Вот такого, «незаакадемичившегося» поэта мне и хотелось бы показать на сцене. Роль эта трудна. Известно, что Маяковский — поэт-трибун, да и сам он себя считал «агитатором, горланом-главарем», но те, кто любит его поэзию, глу-

боко вчитывается в его строки, не могут не почувствовать и его тонкий лиризм, и широкий спектр, полифонию чувств. Никто не застрахован от личных драм, но поэт смирял себя, «становясь на горло собственной песне». Он всегда помнил о высокой миссии пролетарского поэта — и зажигал, зажигал звезды в честь рождения своей страны, чтобы была она счастливой.

В нашем спектакле осмысление процесса становления Маяковского мы даем ретроспективно, с позиции поэта, уже многое пережившего, пропустившего через накопленную свою душу. И если кто-нибудь после нашего спектакля возьмет и перечитает заново стихи Владимира Маяковского, то можно считать, наши усилия были не напрасными...